

# Балаш

1

Чтобы засветло добраться до Жухович, я торопил возницу, который безмерно жалел коня.

— Погоняй, погоняй! Выходит, ездок из тебя плохой, а ещё хвастал: довезу быстро!

— Тише едешь—дальше будешь,—с достоинством заботливого хозяина отвечал двенадцатилетний хлопец.

— О, да ты и эту мудрость знаешь? Дальше будешь от Жухович — это факт!

Мой возница держался независимо, сидел ко мне спиной и, казалось, совсем не волновался, слушая мои слова.

Конь шёл весьма медленно, а жиденькая пуга лежала на саях без применения.

Был ноябрь сорок пятого года, выпал первый снег и ударили легкие морозцы, набросившие на всё серебристую индеву. Снег визжал под коваными полозьями, в такт лошадиному бегу скрипели ремённые завёртки оглобель, побрякивали колечки на хомуте и дуге. Недовольный поздней дорогой, часто фыркал конь. Кругом лежали белые поля, темнеющие полосы лесов и перелесков.

Впереди, уже километрах в трёх, возвышался огромный холм, пёстро наряженный в редкий мелкий сосняк. У подножья виднелись крыши деревенских хат попеременно с черными, обуглившимися столбами и остовами строений. Это — Медведка, наполовину сожжённая врагом при поспешном отступлении.

Жуховичи были где-то за холмом, в десяти километрах от Медведки.

—Но—но! Уснула! Шире шаг! — пробую я сам подогнать коня, но тут же убеждаюсь, что мои грозные окрики не действуют. Я беру пугу и хлещу ленивого коня по крупу, однако — где там! —его и этим не проймешь. С мелкой рыси конь переходит на шаг, его большая голова, будто обремененная тяжелыми думами, опускается чуть не до самой земли, а мохнатые уши свисают на лоб.

— Нехай крыху\*) пройде, заморился, — участливо говорит хлопец, отбирая пугу и кидая на меня укоризненный взгляд. —

\*) крыху—немного.

Да что вы, дяденька, так спешите в эти Жуховичи, хоба на пожар?

— Пожар не пожар, а засветло надо быть там, дела у меня. Да и тебе лучше. Ночью-то страшно будет назад ехать?

— Страшно, — насмешливо передразнил меня возница. Теперь кого бояться? Немцев нима, ловить по дороге нет кому. Это как немцы были — страшно! Они забороняли \*) ездить ночами, поймают — сразу расстрел.

— Это почему же?

— Боялись партизан — вот и забороняли. И верхами невозможно было ездить, даже днём. С нашей вески застрелили дядьку Архипа, что он верхом ехал... Вот когда было страшно!

Мальчишка старался говорить по-русски, но в речи его невольно проскальзывали слова родного, белорусского языка.

Мы ехали по земле Западной Белоруссии, в прошлом году освобождённой от немецкой оккупации. Не раз эта земля являлась ареной жестоких исторических битв, не раз обильно полита человеческой кровью и устлана человеческими костями.

В сентябре тридцать девятого года Красная Армия освободила Западную Белоруссию из-под власти польских помещиков. С неописуемым восторгом встретил народ своих избавителей. Началось строительство новой жизни.

Бронированные орды фашистов нарушили мирный труд народа. С первых дней оккупации здесь развернулась партизанская борьба...

— А разве здесь были партизаны? — будто не зная об этом, нарочито удивленно спрашиваю я.

— Где же их не было? Кругом воевали!..

Мне захотелось из уст мальчишки услышать какой-нибудь эпизод из партизанской борьбы. Для этого надо было вызвать его на откровенность, ближе с ним познакомиться.

— Да как тебя звать, хлопец?

— Петрусь. Петро Гнатич Непогода. А вас?

Я сказал ему свое имя.

— Ну, вот мы и знакомы. Какой же отряд здесь действовал?

— Отряд Балаша. Ведаешь Ивана Балаша?

— Нет...

— Во-о!?

В этом «во-о» прозвучало удивление и вместе с тем — хитрая, детски-восторженная радость, смысл которой можно было понять так: «Я, оказывается, знаю больше, чем этот дядя!».

— О, это был партизан! Без конца смелый! Он сам тутэшный, из Красногорок. Знаешь Красногорки? Два километра от нашей вески...

Петрусь неожиданно взмахнул пугой.

— Э-э, шевелись!

Лучи солнца скользили по вершине леса, что закрывал от нас перспективу села, били в лицо Петруся. Большие синие глаза его загорались.

\*) забороняли — запрещали.

— Страху Балаш не знал. Приедут, бывало, в нашу веску немцы — и он тут. Наденет долгий кожух, всунет рукав в рукав, воротник подымет и ходит из хаты в хату — разведку ведёт. Заходит в хату до немцев. Вытащит из кармана тутун, завернет сигарку и — к немцу: «Пан, битте раухэн?». Прикурить просит. Немец — балда и не подумает, что партизану даёт прикурить... А как уедут немцы, хоть и много скота у людей заберут, а над ними всё равно люди смеются. А всё Балаш!

Петрусь весело смеётся, потом вопросительно смотрит на меня, желая прочитать на моём лице впечатление от сказанного и, удовлетворенный, продолжает:

— А однажды Балаш такой гвалт наробил, что всех немцев до смерти переполохал. После этого они даже пасторунок\*) из нашей вески перевели на станцию... Это было сразу, как немцы пришли. Стояли у нас в веске жандармы, а главный у них — комендант, такой негодный, с котинными глазами. Он всё шукал наших русских бойцов и расстреливал. А у Аньки ховались два лейтенанта. Знаешь Аньку? И её не ведаешь? Хиба ты не партизан?

— Партизан.

— Партизан, а Аньку не ведаешь. Её все партизаны ведают. Так вот она двух лейтенантов в хате под полом ховала. Зверюга-комендант доведалься про это, схватил их и повесил на воротах, перед анькиной хатой. Сама-то она уткнула! Вот когда страшно было... Вельми жудасно\*\*)... Я бачил, как бедняги болтались в петлях... А проклятый немец с гумовой\*\*\*) палкой все ходил и радовался...

Петрусь на минуту замолк, лучистые глаза его подернулись пеленой недетской глубокой грусти, — он снова переживал страх.

— Ну, и что же дальше?

— А с Балашом эти лейтенанты друзья были добрые. Пришёл Балаш вечером на пасторунок и зверюгу-коменданта ляснул из нагана, а сам — в лес, к партизанам. Тогда за это немцы веску нашу спалили. Гумами били почти всех — хотели доведаться, кто это сделал. А потом узнали, что Балаш, да было поздно...

Помолчав, Петрусь начал рассказывать о боевых делах Балаша, о том, как он вдвоём со своим «ад'ютантом» — четырнадцатилетним хлопцем — сделал засаду на колонну немцев и полицейских, рассеял и принудил к бегству эту колонну, причинил противнику урон в живой силе. Чтобы навести на врагов больше страху, Балаш кричал: «Рота, вперёд! Огонь!» А в роте было лишь два человека!

Я слушал недетски-серьёзный рассказ Петруся и из глубины моей памяти всплывал яркий образ Вани Балаша, так хорошо мне запомнившийся три года тому назад.

\*) Пасторунок — полицейский участок.

\*\*) Вельми жудасно — очень страшно.

\*\*\*) Гумовой — резиновый.

Первая моя встреча с Балашом была несколько необычной. Мы встретились «с треском», правда, не очень сильным, однако «с треском».

В августе сорок второго года наша диверсионная партизанская группа в количестве пяти человек направлялась из Налибокской пуши к станции Городея. Предстоял взрыв эшелона. От стоянки отряда до места, где мы намеревались произвести взрыв, надо было совершить пять ночных переходов. Но дальность пути меньше всего огорчала нас; сильнее тревожило то обстоятельство, что путь лежал через поля. В ту пору мы все места характеризовали двумя словами: лесистые — «партизанские», безлесные — «непартизанские», опасные.

Район, в который мы шли, был сугубо «непартизанский». Подробно изученная накануне выхода топографическая карта польского издания, грязная, замасленная, десять раз рваная и столько же клееная, не предвещала нам «спокойных снов в тиши лесов». Правда, карта была давняя, и мы тешили себя надеждой, что леса могли вырасти в этом районе уже после издания её. Эта надежда была тем более основательной, что на обветшалом «путеводителе» все-таки виднелись кое-где крошечные зеленые мазки.

На исходе четвертой ночи мы подошли к месту, откуда нам предстояло проделать последний скачок к железной дороге, «повалить» эшелон и отойти на возможно большее расстояние.

Мы шли цепочкой по узкой степной дороге, лентой бежавшей между сжатыми полосками ржи. А небо, словно назло нам, было высокое, чистое, звездное, — и в лица наши с его высоты смотрела серебряная луна. Матовые лучи ночного светила отражались белыми стенами хуторов, раскиданных по полям. В удивительно свежем, мягком предрассветном воздухе звенели голоса пробуждающихся птиц, носился дотошный лай хуторских собак, посягавших на луну. Рьяно соревновались между собой петухи. В низинах голубели ту-маны.

Красивая картина природы не восхищала нас. Напротив, мы были недовольны небом, позорно нагим, предательским, луной, не во-время вздумавшей блеснуть своей прелестью. Нам нужны были облака, тучи, дождь, тьма.

Впереди, едва заметный, темнел лес, в котором мы намеревались провести наступающий день.

— Передохнем, — сказал командир, когда мы поровнялись с низким придорожным кустарником.

Партизаны расселись у обочины дороги, закурили, пряча огонь, и наслаждаясь коротким отдыхом, начали «обмен мнений», без которого скучно на отдыхе.

Мы уже дотягивали свои цыгарки и собирались вставать, как вдруг наш командир тревожно шепнул:

— Смотрите, смотрите...

Все повернули головы по направлению его руки. Там, на нашей дороге, выросла невысокая черная масса. Мы всматривались в неё

пристально, затаив дыхание, — масса двигалась, вырастала. Ещё через минуту мы убедились, что движется колонна людей. Сначала нельзя было различить отдельные силуэты, но слышен был топот ног. Потом начали вырисовываться фигуры, стал доноситься говор, смешки. Люди двигались в беспорядочном строю: по одному, по два и по три человека в ряду. Повороты дороги позволили нам определить их численность, примерно, в двадцать человек. Разговоры и смех свидетельствовали о том, что люди чувствуют себя здесь в безопасности, а между тем, мы хорошо знали, что совсем недалеко от этого места — немецкий гарнизон.

— Приготовиться...

Мы залегли... Заросли придорожной ивы оказались, кстати, хорошей маскировкой. Я дослал в патронник очередной патрон.

Два автомата и три винтовки направлены были на колонну людей. «Враги или свои?» — думал каждый из нас.

— Без команды не стрелять, — строго шепнул командир, и немного погодя, будто усомнившись, что его слышали, добавил: — Слышите? Не стрелять без команды! Может свои — не стрелять!

Люди приближались, а мы так и не могли установить, кто они. Вот первый ряд из трех человек подошёл уже на десять, на пять метров...

— Стой! — сразу крикнуло несколько человек. — Кто такие?

Это случилось в тот момент, когда впереди идущий уже чуть не наступил на ствол моего карабина. Все они сразу шарахнулись от нас и, немного отбежав, полукругом залегли. С их стороны прогремело несколько выстрелов. Пули просвистели над нашими головами. Кто-то из нас тоже не выдержал, сделал два выстрела.

— Прекратить стрельбу-у! — вдруг закричал наш командир, и толос его отдался эхом в лесу и полетел над полями далеко окрест. — Мы — партизаны! Если вы тоже, то не стреляйте! Выходи кто-либо на переговоры!

Кругом всё замолкло, насторожилось.

— Иди, — сказал мне командир.

Я встал и, держа наготове карабин, направился к цепи неведомых людей.

— Ну, выходи кто-либо, не бойся, свои же, — стараясь показать равнодушие, подзадоривал я их, в то время как у самого в голове копошились сомнения, неуверенность.

Наконец из их цепи поднялся и направился навстречу мне дядя высоченного роста.

— Партизаны!? — радостно заговорил он, подойдя вплотную и пряча в карман руку с револьвером. — Тогда будем радешеньки. — Моя щуплая рука хрустнула в его грубой ладони. — Балаш.

Он был высок и широкоплеч, а его молодой голос, немного хриловатый, звучал весело, с хитрецей.

— Что ж это вы, засаду на нас? Вот друзья! — смеялся Балаш, не выпуская моей руки из широченной лапы.

— Вы какого отряда, товарищи?

— Отряда? Это мои хлопцы. Мой отряд. И место здесь наше. А вы откуда взялись?—уже грубо спросил Балаш.

— Из пуши, от Бородача.

— Издалека... Тоже гости называются: пришли в мои владенья — и меня же бить! Добрые гости! — снова загремел Балаш и, повернувшись, приказал: — Эй, хлопцы, подходи. Наши ребята пришли!

Сначала нас окружили балашовцы, потом подошли мои товарищи. Заговорили все сразу — наперебой, начали знакомиться, слышался смех. Радовались, что так обернулось дело, начатое «с треском».

— Коли сначала побились, значит будем добрыми друзьями! К нам в гости, товарищи, пожалуйте!

— На дневку пойдем в самый большой лес, в Поповщину, — сказал Балаш и повёл нас вправо от дороги.

Вскоре мы подошли к лесу. Он возвышался перед нами в белесом утреннем тумане, желанный, бодрящий резкой свежестью. Войдя в него, мы, — усталые, потные, — сразу улеглись спать. Балаш расставлял караул, и я слышал, как он тихо ходит между рядами спящих партизан.

### 3

Когда я проснулся, солнце стояло уже над лесом. Был один из тех знойных августовских дней, когда в воздухе ясно приметны плавающие волны серебристой жары, а все звуки дня, приглушенные, сразу замирающие, кажутся далекими — далекими. В лесу царствовала прохлада. Двое из моих товарищей возились с толом, связывая шашки в длинную рапиду. Командир наш ещё спал.

Теперь я мог лучше разглядеть балашовцев и ближе познакомиться с ними. Их было двадцать человек. Это скорее можно назвать не отрядом, а группой. Впрочем, в здешней безлесной местности и не нужно большое соединение. Маленькая, хорошо вооружённая, подвижная группа смелых — вот что здесь необходимо, и Балаш, очевидно, понимал это, не увеличивая своей группы, не прельщаясь лаврами «большого» командира.

Все балашовцы — молодые ребята, соперничающие друг с другом в здоровье и силе. Была среди них девушка, медсестра Аня, со скромным и несколько грустным выражением в серых глазах, и был ещё четырнадцатилетний паренёк — Славка. Я спросил, где сам Балаш.

— Он пошёл домой, в Красногорки, — ответили мне. — У него там старушка-мать, треба наведать...

— Заодним и разведку проведет, весьма охоч он к этому.

Я пошёл прогуляться по лесу. Надо было сориентироваться, оглядеться на всякий случай: в двух километрах от леса был немецкий гарнизон, всякое можно было ожидать.

Я направился к полянке, которая светлела невдалеке. Добравшись до неё, убедился, что это не полянка, а конец леса. Оказывается, в ширину лес простирался не более чем на сто метров. Чтобы узнать протяженность его, я пошёл по дорожке, тянувшейся парал-

лельно опушке. В лесу паслись коровы, телята, овцы, с криком бегали пастухи. «Однако, — подумал я, — Балаш плохо хранит тайну своего размещения». Вскоре я оказался на другом конце леса и удивился, как он мал. «Пойдем дневать в самый большой лес, в Поповщину», — не без смеха вспомнил я слова Балаша.

Балаш возвратился вскоре. Вслед за ним пришла молодая женщина с ведрами: принесла обед.

— А мы хотели уже на хутор итти...

— Тут, брат, днём лучше сиди, не расходишься, кругом видно, а немцы рядом.

За обедом разговорились.

— Тяжело тебе здесь, Балаш, пойдем в пушу, там хоть отдохнуть можно спокойно, и ребят много — сила!

— А мы привыкли тут, кажется, так и треба. Здесь нам каждая стёжка знакома, каждый хутор — наш разведчик и спаситель. Хлопцы мои почти все тутейшие, и нас весь народ знает.

— Это хорошо... Но вы спокойно не спите, всегда тревожно.

— А разве на войне по-другому бывает? Мы всегда чувствуем, что кругом враг, что в любую минуту — бой. Тяжко, ведомо тяжко, нервы треба крепкие, ремённые. Но мои хлопцы не хныкают, знают, что война.

— Ну, как я отсюда пойду? — продолжал Балаш, вскинув на нас чуть насмешливые глаза. — Дорог куток, где отрезан пупок, — говорят у нас люди. А мне и сам этот куток дорог, и народ, который в нем проживает. Что мне скажут люди, сельчане?.. Покинул, скажут, в пушу утек! Сколько не воевал, а всё-таки испугался немца! Ведь тогда немцы изведут наших людей. Теперь немцы наезжают сюда реденько, и то оглядываются, как воры или злодеи, а коли доведаются, что я ушёл, покою людям не дадут — ограбят, побьют многих. Вон Симаково недалеко, — Балаш кивнул в сторону деревни, — они там стоят, господарят, а, думаете, вылазят из вески? Шагу не ступят — дрожат. Кротовая повадка у немцев, роют, закапываются, из нор не вылазят!

— Завоевали они землю! — блеснувши глазами, засмеялся Балаш. — Теперь вырастают в неё. И много их уже крепко вросло, навсегда, так что и кости у некоторых сгнили уже...

— Тебе, Балаш, надо держаться все-таки осторожней, в лесу у тебя, рядом с отрядом, — пастухи, вас все видят.

— У меня в лесу порядок. Эти пастухи — мои дозоры. Они стерегут не только скот, но и людей, они у меня во все четыре стороны света смотрят! Немец ещё где-нибудь за три километра, а эти хлопчата уже доносят мне, сколько его голов, с каким оружием... И мне остаётся лишь засаду устроить.

Пообедав, мы улеглись полукругом. Женщина собрала посуду и, намереваясь уходить, в нерешительности стояла около нас. Я заметил, что она давно внимательно смотрит на рапиду из толловых шашек.

— Вы, хлопцы, мыльца бы мне кусочек дали — постирать бельишко нима чем, а у вас вон как много! — показала она на тол. Все засмеялись.

— Это мыло для немцев. Специальное «советское мыло» для мытья врагов. Один раз «помоем» их — больше уж никогда не потребуется им банька.

Женщина поняла, что перед ней страшное изделие.

— Хиба это оттуда? — показала она в небо. — С самолета вам скинули?

— Да, бог послал, — снова шутили мы.

Её глаза заискрились радостью... Сколько раз, у скольких людей приходилось мне видеть этот искрящийся, оживленный взгляд, полный радости и надежды, взгляд человека, услышавшего весточку с Большой Земли или увидевшего присланное оттуда оружие!

Наступил вечер. Мы собирались в путь — решающая ночь приближалась. Усевшись в кружок, хлопцы долго рассматривали нашу ветхую карту, намечали предстоящий путь до железной дороги и место взрыва. Выбиралось такое место, где был бы хороший уклон, чтобы крушение эшелона произошло наиболее эффективно, «с музыкой».

Наконец, всё было решено.

Подойдя к нашей пятёрке, Балаш осведомился, где мы наметили сделать диверсию.

— А я советовал бы не здесь. Есть доброе место — вот будет грому!

— Где же?

— Я с вами пошлю проводника. Славка! — окликнул Балаш. Маленький, худощавый хлопчик с большими черными глазами быстро подошёл к нам. — Поведёшь их сегодня на железку. Ведёшь лесок на той стороне, около станции?

— Ведаю.

— Напротив этого лесочка и приведёшь их. Там уклон большой. Дров наламаете много! А главное, — Балаш убежденно вскинул на нас глаза, — главное, — около станции, под носом у немцев. Ой, как они забегают! Подумают — на них наступают! Всю ночь спать не будут, не кончат стрельбу до утра... Довольны моим выбором? — засмеялся Балаш. — А ты понял, Славка?

— Понял, товарищ командир.

— Собирайся быстро!

— Я готов, товарищ командир!

До железной дороги было семь километров. Мы двигались тихо, осторожно, лавируя между деревьями и маентками\*), в которых сидели немцы. Надо было остерегаться, малейшая оплошность могла погубить большое, важное дело.

Славка подвёл нас к дороге метров на сто пятьдесят. До полотна пришлось ползти по мелкой борозде: сияющая луна прижимала нас к земле — местность была открытой.

Однако, несмотря ни на что, диверсия удалась. Как выяснилось назавтра, мы пустили под откос эшелон с углем. Некоторые из нас даже разочаровались: хотелось поймать эшелон с живыми фрицами, а «попался какой-то уголь».

\*) маенток — имение пана



Балашу мы доставили большое удовольствие. Предвиденная им ружейно-пулеметная стрельба, действительно, не прекращалась до утра. Наполохали мы немцев крепко. Не давать врагу покою, постоянно нервировать его, пугать даже ложными признаками наступления — таков был один из применяемых Балашом тактических приёмов партизанской войны.

Мы возвращались в пущу с победой, взволнованные, радостные. По дороге часто вспоминали «самый большой лес — Поповщину». Группа возвращалась «домой» только за тем, чтобы получить от Бородача тол и снова двинуться по знакомой уже дороге.

4

Вскоре наша группа опять пришла в «балашовские владения». Теперь мы захватили с собой толу на три взрыва и не собирались возвращаться в пущу, по крайней мере, полмесяца.

Рассвет застал нас на хуторе, где мы условились встретиться с Балашом. Хутор стоял на кромке березовой рощицы, бедный, неприметный. Здесь балашовцы встречались с кем необходимо, однако отряд близ хутора никогда не стоял. Хозяйка хутора, видимо, выполняла обязанности связной. Мы попросили её проводить нас на место размещения отряда Балаша, но женщина, не зная нас и не совсем нам доверяя, отказалась.

— Пойду, узнаю у кого-либо, — сказала она. — Подождите.

В комнате осталась дочь хозяйки, пухленькая, молоденькая блондинка, и наш «Вова — красный диверсант», как он всегда шутиво рекомендовался, не упустил случая поухаживать за девушкой.

В этом щепетильном деле он считался мастером не менее искусным, чем в подрывном. Излюбленным коньком нашего «уязвителя женских сердец» было удивительное умение щегольнуть перед девушкой выправкой, воинственностью, из усталого, скушающего долгодума сразу переродиться в жизнерадостного весельчака и сыпать, будто из рукава, шуточки и прибауточки. Он знал, как понравиться девушке. Впрочем, мы из уважения к доморощенному Дон-Жуану часто помогали ему достигнуть вершин красноречия, всячески подымали его авторитет, утонченно заискивая перед ним и называя его при девушках не иначе, как «товарищ командир». При этом мы всегда едва удерживались от смеха.

Однако, к нашему удивлению, а тем более «Вовы — красного диверсанта», его всегда неотразимые «атаки» теперь не имели успеха. Девушка ни разу не улыбнулась, тень убеждённой грусти на её лице оставалась неразвешанной. Более того, она была раздражена его ухаживанием и оборвала «кавалера» на самой высокой ноте:

— Отвяжитесь вы со своими жартами, не до них теперь!..

Она сказала это резко, с чувством обиды и боли. Мы сразу замолкли, и в комнате установилась тяжёлая, неприятная тишина. Все, казалось, остро почувствовали горькую правду сказанного. В самом деле, до шуток ли теперь, когда льется столько человеческой крови!..

Мы уже дремали, когда вернулась хозяйка. С ней пришёл не Балаш, как ожидали мы, а партизан его отряда — Григорий.

— Пойдемте до нас. Устали, кушать, должно, хотите...

Мы пересекли берёзовую рощу и оказались на поляне, перед полосой спелого овса. Утренняя роса, не согнанная ещё лучами раннего солнца, серебрилась на его метёлках.

Молчаливый Григорий повёл нас по тропинке через полосу. Овёс был исследован, смят, притоцтан. Выйдя к сосновому лесочку, мы заметили на тропинке пестрые клочья окровавленных бинтов, стреляные патронные гильзы. Сохранились свежие окопчики с курами гильз на брустверах.

— Бой здесь принимали?

— Да, недавно тут крепко подрались...

Когда все вошли в лесок, Григорий остановился.

— Хотите посмотреть, где мы бились?

Не дожидаясь ответа, он свернул со стёжки влево и, проведя нас вглубь лесочка метров на двадцать, остановился.

— Вот тут лежали мы, а на стёжке и вокруг лесочка—немцы.

Кругом виднелись следы сильного огня противника. Исщепленные стволы сосен, срезанные ветки на земле, молодые сосёнки, ставшие кольями, — все говорило о том, что место простреливалось со всех сторон сотнями пулеметных и автоматных очередей, прощито, изорвано десятками тысяч пуль и осколков мин.

Григорий рассказал нам о трагедии, которая здесь разыгралась.

\* \* \*

Их было девять человек, когда они утром, после ночного марша, вошли в этот лесок на отдых. Переобувшись и ослабив ремни, они растянулись на голой сухой земле меж деревьев. Тяжёлая истома скоро взяла свое: хлопцы сразу заснули тревожным, чутким сном воинов.

Их разбудила стрельба. Спросонья, в недоумении и растерянности, не зная, что происходит вокруг, они кинулись от стрельбы на другой конец леса, но достигнув его, увидели наступающие цепи врагов. Тогда побежали обратно, на стрельбу, туда где был поставлен часовым один из товарищей, к той узенькой дорожке, которая перерезала лесок пополам. Надеялись перескочить в другую половину лесочка, который сливался с большим лесным массивом, и уйти от врага.

Не добежав до тропинки, встретили часового, припавшего к земле. Он едва полз, оставляя за собой кровавый след.

— Немцы на дороге... Окружают... Отбивайтесь, — только и смог сказать смертельно раненый. Голова его безжизненно упала на землю, тело задергалось и застыло.

Неожиданно смолкла стрельба.

Удивленно-расширенными, испуганными глазами смотрели все на труп товарища, друг на друга, искали духовной поддержки, ответа на один и тот же вопрос: что делать?

Враги были уже кругом. Прорываться сквозь их цепи, выйдя на поле,—значит сразу всем пасть в неравном бою; биться тут, в лесу, — но ведь ещё только утро, а день страшно долог, а патроны — обрез...



## На Алтае

С каждым годом благоустраивается и растет краевой центр Алтая — город Барнаул.

На снимке: один из живописных уголков города — сквер по Ленинскому проспекту.



Жгучие, острые взгляды партизан впивались теперь в Балаша, жгли и сверлили его со всех сторон, и он заговорил:

— Погибать, братья, придется... Бится до последнего, друзья мои. Раненых, неспособных к бою—достреливать, чтобы не отдать на муку проклятому зверю...

Все молча согласились с ним.

— Занимай круговую!—голос Балаша был тихий, но твердый, уверенный. И когда разместились в круговой обороне, у пеньков, за стволами сосен, Балаш закричал громко, надрывно, так, что голос его слышен был на весь лес:

— Отряд, окапываться-а!

Балаш нарочно кричал громко, изо всех сил, чтобы стряхнуть с людей тяжелый груз страха, дать людям почувствовать свою силу.

Хлопцы лежали тревожно-немые, сосредоточенные и послушные, как всегда в тот момент боя, когда никто ещё не выпустил по врагу ни одного патрона, испытав, однако, на себе его губительный огонь.

— Подпускать ближе, бить в упор,—строго говорил Балаш, тоже залегший за толстую сосну. Он был без фуражки, и его непослушные, длинные пряди светлых волос упали на глаза, блестели сильнее обычного, мускулы щёк напряглись — весь вид его выражал отвагу, всепобеждающую решимость.

— Идут... Ближе подпускайте...

Первую атаку немцы начали с оглушительными криками, с настоящей стрелковой грозой. Пули завизжали над головами балашовцев, защёлкали по стволам деревьев. Тёмно-зеленые, голубые, черные фигуры врагов мелькали в дыму, окутавшем лесок, перебежали, пригнувшись, от дерева к дереву, стреляли, кричали.

Балаш выложил перед собой пачку папирос, закурил. Гвалт врагов то утихал, то с новой силой оглашал лес. Не ослабляя огня, они подошли ближе, наступали не ложась, надеясь одним ударом смять, опрокинуть партизан, погнать на другой конец леса, чтобы там скосить кинжальным огнем засады.

— Бей их, собак!—закричал Балаш неистово, зло, когда враги были уже совсем рядом.

Вразброд прогремели выстрелы партизанских винтовок, застучал станковый пулемет—любимец отряда. Немцы попадали наземь, залегли, попрятались за деревья. Их воинственные крики замолкли, слышались стоны раненых.

— Огонь!—снова подал команду Балаш.

У партизан было преимущество: они хорошо замаскировались, неожиданно ударили по врагу. И немцы дрогнули. Сначала только некоторые из них повернули обратно, поползли змеями. Но эти увлекали за собой других...

Первая атака была отбита. Партизаны повеселели, заговорили.

— А шибко фрицы сполохались, когда мой дударь задудил! — возбужденно рассказывал пулеметчик соседу. — Чуешь, Петька! Сполохались, говорю, драп-драп, только зады сверкают... Да что ты молчишь? Живой ты? Петька?! Петя!

— К нам—на ногах, а от нас—на пузе, гады! — заговорил Балаш. — Дали мы им прикурить!

— Товарищ командир, Петька убит!

— Патроны от него забери, заряжай диск быстрее!

Пулеметчик подполз к убитому.

— Эх, бедак,—прошептал пулеметчик, снимая с товарища патронную сумку. — И не охнул... Видно—сразу в сердце...

Вскоре немцы возобновили атаку. Теперь они шли осторожно, с перебежками, мощь их огня была сильнее прежней, а пули плюхались ниже, о землю, вокруг партизан.

Партизаны потеряли убитым еще одного товарища, но атаку отразили. Установилась напряженная, подозрительная тишина. Только крик раненого немца: «Майн гот! Майн гот!» нарушал порою эту неприятную тишину.

— Держите, хлопцы, ухо остро, они что-то задумали...

— Перехитрить мыслят.

— Эй, Балаш, слушай! — раздался резкий голос со стороны врагов. — Немцы поручили мне передать, чтобы вы немедленно сложили оружие! Они обещают вам жизнь. Слышите: жить будете, жить! Всем будет дарована жизнь!

— Поцелуй своего немца в заднее место! — закричал в ответ Балаш. — Скорей ты, сука, лопнешь, чем я сдамся!

— Партизаны, товарищи! — призывал всё тот же голос. — Убивайте Балаша, идите к нам. Он вас всех погубит!

— Пошел к чорту, Иуда!

— Немцы не тронут вас, жить будете, вы ещё молоды! Награду дадим! Если не можете убить Балаша — разоружьте его, ведите к нам, сами идите — смело! Пальцем не тронем вас, вы обмануты!

— Мы не продаёмся, не тебе чета!

Снова вспыхнула атака. Но теперь немцы боялись подходить близко. Они больше заботились о спасении собственной шкуры, ибо много их трупов валялось уже вокруг балашовцев.

В конце атаки ранило пулеметчика.

— Братцы! Друзья! Милые мои! Пристрелите! Сил нету! — кричал он, рукой придерживая живот, прошитый очередью разрывных пуль. — Братцы! Милые мои...

Кто-то выстрелил в него. От удара пули он перевернулся на живот.

— В плечо-о! В затылок, в голову бейте, братцы...

Пуля товарища оборвала его предсмертные крики.

А враги вновь начали уговоры.

— Мы все равно вас уничтожим! — кричали с опушки леса.

— Вы окружены. Нас много! Я, комендант полиции, заверяю вас, будете жить! Сдавайтесь, пока не поздно! Последний раз предлагаю! Будете каяться после, когда схватим!

— Сволочь! — отвечал Балаш. — Подойди ближе, посмотрим — кто кого уничтожит!

— Балаш! Ты губишь себя и людей... Одумайся!

— Не идёшь, кляча?! Боишься! Иди, иди, я тебя в ад направлю, шура!

— Огонь! — в ответ на эти слова раздалась немецкая команда, и ливень пуль хлестнул по лесу.

Солнце скрылось за лесочком, чтобы не видеть печального конца этой напряженной борьбы высокого духа с черной силой. Сгущались сумерки.

Балаш докуривал последнюю папиросу из лежавшей перед ним пачки. Счет вражеским атакам был давно потерян. Пулемет перешёл уже в четвертые руки, к Архипову.

Враги не снимали осады.

Когда совсем стемнело, Балаш приблизился к дремавшему Григорию.

— Выходить надо. Скажи Архипову и — за мной.

Из девяти их осталось трое, остальные были убиты. Григорий подполз к товарищу, тронул его за рукав гимнастерки.

— Архипов! Да ты что, чорт, спишь уже?

— М-м-ма, — промычал Архипов, причмокивая губами.

Григорий ладонью легонько ударил его по голове.

— А? Что? — вскинул Архипов голову.

— Выходить надо, Балаш приказал... Ползём, пока месяц не взошёл... Гляди, темь какая...

Пулеметчик молчал, не двигался.

— Ну, так что ты? Опять заснул? — Григорий обеими руками приподнял голову Архипова.

— Спа-ать... — протянул Архипов. — Буду спа-ать... — слова его слились со свистом в носу, голова повисла на руках Григория.

«Как он измучен!» — подумал Григорий и, вцепившись в его уши, начал трепать их со злостью, сильно.

— Не н-нады... — залепетал Архипов.

— Ну, и чорт с тобой! — злобно зашептал Григорий. — Спи! А мы уйдем! Разнюнися... Завтра же вздернут тебя на сосне! Слышишь ты меня?

Но Архипов не слышал Григория. Он провалился в бездну сна, до предела измученный пятнадцатичасовым боем.

— Так ты не пойдешь? Архипов, милый, ну, пробудись! Голубчик, дорогой!

Сам не соображая, что говорит, Архипов промычал сквозь сон:

— Н-е... Не пыду...

— Ну, так спи, бревно!

Григорий торопливо уползал от Архипова. Однако, не отделившись и на десяток метров, он остановился, потом решительно повернул назад, взял Архипова за ногу и поволок за собой.

Меж лохматых ветвей сосен мигали далекие звезды...

Вернувшись на тропинку и рассматривая следы боя, мы молчали. События, только что рассказанные Григорием, живо вставали в воображении, волновали разум. Сами не раз смотрели на смерть в глаза и не склонные ничему удивляться, мы на этот раз были поражены беспримерным упорством и мужеством балашовцев.

— Ну, досказывай, Григорий... Как вам удалось выбраться?

— Чтобы разбудить Архипова, Балаш выстрелил у него под ухом. Архипов сразу оклемался. Поползли один за другим. Тихо, тихо, кажется, даже не дышали. Овёс высокий, густой, хорошо маскировал... Чуть не всю ночь ползли вон до того березника. А там — вспоминай, как звали! Проворонили нас фрицы. Им ведь тоже горячо пришлось — много мы их побили! Перетрусили они сильно...

С минуту мы стояли молча, потом Григорий заговорил снова:

— Ночью немцы вынесли из лесу своих убитых и раненых, отвезли на станцию, а сюда подтянули свежие силы. Отошли от лесочка — и давай садить по нему из минометов. Думали всё ещё сидит здесь Балаш.

Потом немцы пошли в атаку — на шестерых убитых. Эта атака им удалась, — усмехнулся Григорий.

В глубоком молчании обошли мы всё место боя.

— Вон видите могильный холмик? — показал Григорий на кромку березника. — Там и похоронили мы орлов своих.

Он смолк, и вновь долго никто не отважился нарушить общее молчание. На зеленом фоне березника выросла фигура девушки. Девушка постояла немного, огляделась и направилась в сторону могилы. Мы узнали в ней нашу недавнюю знакомую, за которой пытался ухаживать «Вова — красный диверсант».

— Она часто сюда приходит, — объяснил Григорий. — Здесь лежит её наречённый.

...Через несколько дней, выполнив задание Бородача, мы отходили в пушу. Балаш и его боевые товарищи тепло расставались с нами..

— А вы дело сделали, хлопцы! — говорил Балаш. — Шкоды немцу нарobili уйму! Но эти изверги будут отыгрываться на моей спине. Придется за вашу работу ответ держать перед ними. Хотя — скорее их холера заберет, чем они со мной что-нибудь сделают!

## 5

Около года не приходилось мне бывать в том районе, где шумел отважный Балаш. Да так и не довелось уже встретиться с ним никогда: от очевидцев услышал я рассказ о его гибели...

Летом сорок третьего года всю Барановичскую область охватила немецкая карательная экспедиция, «блокада», как мы её тогда называли. Она прошла также и по району действия отряда Балаша.



Узнав о движении немецкой передовой группы, Балаш сделал засаду. Но в то время, как балашовцы дрались с этой группой, подошли главные силы немцев, окружили лес. Бой был слишком неравным. Почти все партизаны пали смертью храбрых. Но Балаш остался жив и на этот раз: расстреляв все патроны, он залез на ветвистую ель и просидел незамеченным до тех пор, пока ушли враги. Точно так же спаслось несколько его бойцов.

— Как от волков спасаются, так и мы от немцев, — шутили после партизаны.

Балаш снова начал сколачивать отряд. Неизменно бодрый, полный святой ненависти к врагам, шел он в разведку в яркий августовский день по дороге. На нем была одежда крестьянина, под рубашкой, за поясом брюк, хранился пистолет.

Из-за пригорка выскочили две автомашины с немцами. Скоро они догнали Балаша.

— Пан, кажите паспорт, немец спрашивает, — сказал переводчик с передней машины.

Балаш обернулся и среди врагов увидел Бурачка, полицейского.

«Выдаст или не выдаст? Узнает или не узнает?» — мелькнуло, очевидно, в голове Балаша. Доставая из кармана поддельный паспорт, он суровым взглядом наградил Бурачка, а тот, узнав его и перепугавшись, закричал:

— Балаш! Это Балаш!

Балаш выхватил пистолет и целую обойму выпустил по врагам. Потом — бежать.

Но лесу близко не было. Враги не стреляли, хотели взять живым, догоняли его. Он забежал на ближний хутор. Немцы тот-час взяли хутор в кольцо, ударили по нему зажигательными пулями, и он вспыхнул.

Но Балаш не сдается. Он отстреливается из окон, ухитряется попадать в цель, но выстрелы его раздаются реже и реже. Расстреляв все патроны, он бросает из окон кирпичи. Наконец, выскакивает из пламени. Правая рука его высоко занесла над головой железный прут. Балаш бежит прямо на врагов.

Десятки пуль скосили его.

## 6.

Туманный морозный вечер давно уже стоял над полями, когда мы под'езжали к Жуховичам. Хлопчик, закутавшись в дубленый кожух, молча сидел ко мне спиной. Утомленный конь, чуя приближение жилья, шел более прытко.

Воспоминания о Балаше и его боевых товарищах, о их героической гибели, навяли грусть. Будто желая поддаться жару в огонь моих грустных чувств, из-за темного большого облака медленно выползла луна, окрасив снежные поля в голубоватый цвет.

Я думал про Ваню Балаша, про многих других товарищей, близких и дорогих сердцу, тоже павших в борьбе.

Сколько их!

И кто знает, сколько под скромными солдатскими холмиками лежит героев, родившихся и не успевших стать Ползуновыми, Глинками, Повловыми!

Беспримерно жестока война много бесценных жертв потребовала она от моего народа. Их стершиеся имена на выжженных солнцем, омытых дождями, обветренных надмогильных пирамидах скупно рассказывают о себе. Зато каким сильным трепетом любви заставляют они биться каждое честное сердце, которое живет и будет жить на этой земле.

Мне отраднo думать, что вот этот хлопец, через много лет, став отцом, а потом дедом, расскажет счастливым малышам о Ване Балаше из Красногорк, славном народном герое, и сказ его будет передаваться из уст в уста, от поколения к поколению, покуда не станет легендой...

Но не только в этом бессмертие павших. Я почти физически ощущал, что вон там, совсем недалеко, за этой горою, сверкающая долина социализма, на ней созрело богатое море урожая, семена которого брошены на благородную русскую землю великой большевистской партией. Они, народные герои, растили этот урожай, их пот и кровь, их жизнь впитана в его колосья, потому приобрели они смысл осязаемого, вещественного бессмертия...

Я видел перед собою непобежденную молодость мира, торжество вдохновенного человеческого труда, — итог борьбы, самым труднейшим звеном которой была эта война.

